

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XVIII.

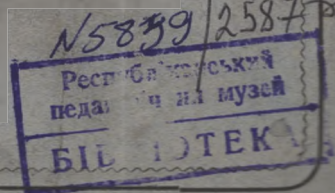
№ 5.—М А Й.

1878 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.		СТР.
Часть I—официальная.			
Протоколы засѣданій Собранія Университета Св. Владиміра. 10, 21 и 24 марта 1878 г.	1—39.	VII. Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія.— Профессора Бистяковскаго	344—384.
Часть II—неофициальная.			
ОТДѢЛЪ I.			
I. Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго до половины XV столѣтія.— Доцента Антоновича	331—375.	ОТДѢЛЪ IV.	
II. О древне-русскихъ историческихъ повѣстаняхъ и сказаніяхъ.— Доцента Хрущова	376—403.	VIII. Очерки исторіи медицины.— Медицина въ Иранѣ и Китаѣ.— Доктора Боввера	149—184.
III. Критическія замѣчанія къ философской системѣ Дюринга.— Приватъ-доцента Бовлова	404—432.	КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.	
IV. Афанасій Филипповичъ, игумень брестъ-литовскій, и его дѣятельность въ защиту православія противъ уни.— Кандидата Левидскаго	433—462.	IX. Обзоръ русской химической литературы за 1877 годъ.— Проф. Алексѣева . 125—156.	НАУЧНАЯ ХРОНИКА.
V. Критическія замѣтки къ греческимъ писателямъ.— Доцента Мищенко	463—	X. Протоколы Юридическаго общества.	71—101.
ОТДѢЛЪ II.			
VI. Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ.— Магистра Тарасова	305—343.	Прибавленія.	
		I. Сборникъ сочиненій студентовъ Университета Св. Владиміра. I Исторія Льва Діакона какъ источникъ для русской исторіи.— Студента Вагалъва	1—26.
		II. Начала Евклида съ пояснительнымъ введеніемъ и толкованіями.— Проф. Ващенко-Захарченка . -	201—232.
		III. Библиографическія свѣдѣнія о новыхъ книгахъ.— Проф. Иконникова и доцента Мищенко	1—4.
		IV. Таблица метеорологическихъ наблюденій за апрѣль 1878 года.	

К І Е В Ъ.
1878.

Исторія Льва Діакона, какъ источникъ для Русской исторіи.

Предметомъ моего отчета будутъ служить тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ исторіи Льва Діакона для поясненія походовъ Святослава въ Болгарію. Но, прежде чѣмъ говорить объ этихъ походахъ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ авторѣ, о характерѣ его сочиненія, чтобы на основаніи этого судить о достовѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ. Родился онъ въ Малой Азіи, какъ самъ сообщаетъ ¹⁾, въ Калоѣ, возлѣ источникова рѣки Каистра.

Будучи юношей, онъ жилъ въ Византіи „для просвѣщенія и приобрѣтенія познаній“ ²⁾. За тѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ его намъ извѣстно очень мало. Какую должность занималъ онъ, мы не знаемъ; знаемъ только, что послѣ Святославовой войны, во время низверженія патріарха Василія и вступленія на патріаршій престолъ Антонія, онъ былъ въ Азіи ³⁾; а за тѣмъ, по вступленіи на престолъ императора Василія, былъ при немъ въ качествѣ діакона во время похода въ Болгарію ⁴⁾. Начинается его исторія вступленіемъ на престолъ императора Романа, т. е. 959 годомъ, и кончается 989 годомъ, обнимая собою такимъ образомъ царствованіе Романа, Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія. Какъ современникъ и очевидецъ, онъ начинаетъ описывать событія съ 966 года, такъ какъ къ этому именно времени относится народное возму-

¹⁾ Книга 3-я, глава 8-я.

²⁾ Книга 4-я, глава 7-я.

³⁾ X-я книга, 3-я глава.

⁴⁾ Книга 10-я, глава 8-я.

щеніе въ Византіи, о которомъ онъ рассказываетъ, какъ очевидецъ ¹⁾. Тутъ онъ намъ подробно описалъ 3 войны: Критскую, Азіатскую и Болгарскую. Первая была ведена подъ начальствомъ Никифора Фоки при императорѣ Романѣ и окончилась чрезвычайно удачно для Грековъ. Азіатская велась въ Каппадокіи и Киликіи и окончилась взятіемъ послѣ долгой осады Никифоромъ, тогда уже императоромъ, города Тарса. Наконецъ, Болгарская война была ведена Іоанномъ Цимисхіемъ противъ русскаго князя Святослава. То обстоятельство, что Левъ Діаконъ пишетъ, какъ современникъ и даже какъ очевидецъ, дѣлаетъ его извѣстія очень дѣянными. Самъ же онъ въ началѣ своей исторіи обѣщаетъ говорить истину, рассказывать факты несомнѣнные. „Приступая къ описанію событій, говоритъ онъ, должно почитать важнымъ дѣломъ говорить истину, какъ болѣе всего приличную исторіи. Ученые говорятъ, что риторикѣ принадлежитъ сила краснорѣчія, піитикѣ—вымыселъ; а исторіи—истина.... Я опишу здѣсь дѣянія, которыя случились послѣ Константина Багрянороднаго и которыя или самъ я видѣлъ, или узналъ отъ очевидныхъ свидѣтелей“. Дѣйствительно: онъ не утаиваетъ фактовъ могущихъ бросить нѣкоторую тѣнь на излюбленныхъ имъ лицъ. Такъ онъ не умалчиваетъ о нарушеніи Никифоромъ клятвеннаго обѣщанія—не занимать престола; такъ онъ, не стѣсняясь, говоритъ о ненависти гражданъ къ Никифору по поводу немилосерднаго вымогательства и его самого, и его брата Льва Куропалата; но это не мѣшаетъ ему прославлять его за великодушіе, твердость душевную и хладнокровіе; не мѣшаетъ ему произнести о немъ такое окончательное мнѣніе. „Такимъ образомъ кончилъ жизнь свою Никифоръ, человекъ безъ сомнѣнія превосходный передъ всѣми людьми того времени своимъ мужествомъ и тѣлесною силою, дѣятельный и опытный въ подвигахъ воинскихъ, способный ко всякимъ трудамъ, не склонный къ тѣлеснымъ удовольст-

¹⁾ „Въ праздникъ Вознесенія Спасителя нашего, когда государь совершалъ по обычаю торжественный ходъ въ храмъ Богородицы, произошла между Византіяцами и Армянами драка, въ которой многіе граждане были ранены. Но вечеромъ на возвратномъ пути во дворецъ Византіяцы явно оказывали противъ него свою дерзость. Въ то время и я, писатель сей исторіи, будучи юношею, жилъ въ Византіи для просвѣщенія и пріобрѣтенія познаній. Видя императора Никифора, сохранившаго твердость духа, и чрезвычайно удивлялся его душевному мужеству“.

вѣзмъ, великодушный и благородный въ дѣлахъ гражданскихъ... Я увѣренъ, что Римское государство достигло бы величайшей славы, каковой никогда не имѣло, если бы, при успѣхахъ этого мужа, неостоянная судьба не возстала на него и такъ скоро не погубила. Обратимся теперь къ вопросу, специально насъ занимающему, къ войнѣ Іоанна Цимисхія съ Святославомъ. Описаніе Болгарской войны принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ исторіи Льва Діакона, какъ по общему подробностей, такъ и по живости изображенія; видѣнь тутъ человѣкъ, если не самъ бывшій при этомъ, то, по крайней мѣрѣ, хорошо знакомый съ дѣломъ, слышавшій отъ очевидцевъ. Такимъ образомъ мы, очевидно, будемъ имѣть въ исторіи Льва Діакона источникъ, который восполнить, а, можетъ быть, и исправить нашу лѣтопись¹⁾.

Въ русскихъ лѣтописяхъ не выставляется причины похода Святослава въ Болгарію. Такъ въ Ипатьевской лѣтописи подь 6475 годомъ (967) мы читаемъ слѣдующее. „Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся одолѣ Святославъ Болгаромъ и взя городовъ 80 по Дунаю; и сѣде въязя ту въ Переяславци, емля дань на Грѣцѣхъ“. Болѣе подробное извѣстіе мы находимъ въ Никоновской лѣтописи. Тамъ читаемъ. „Иде Святославъ на Болгары, Никифору царю изведшу его на нихъ, многога ради ихъ воеванія, еже на Царьградъ. И бысть имъ бой со Святославомъ и одолѣ имъ и взять по Дунаю 80 городовъ, и въ градѣ Переяславцѣ²⁾ сѣде, емля дань на Гредахъ“. Такимъ образомъ по первой лѣтописи выходитъ, что Святославъ отправился въ походъ на Болгаръ безъ всякаго повода, просто изъ страсти къ завоеваніямъ: ходилъ на Вятичей, Казарь,—пошолъ и на Болгаръ; по другой, наоборотъ, выходитъ, что пойти походомъ на Болгаръ подстревнулъ Святослава тогдашній Византійскій императоръ Никифоръ Фока. Но съ какою цѣлью? Обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ лѣтопись не

¹⁾ Произнося такое мнѣніе надъ Львомъ Діакономъ, я имѣю въ виду внутреннюю, а не вѣшнюю сторону его сочиненій.

²⁾ Въ Болгаріи было два Переяславля: одинъ, который занялъ Святославъ—Малая Прѣслава или же Переяславецъ, и другой—Великая Прѣслава. Второй находился близъ нынѣшней Шумлы; а первый, можно думать, находился недалеко отъ Силистріи (Дръстра), судя по ходу военныхъ дѣйствій. Быть можетъ, нынѣшній Русчукъ (Рус—чужь) и есть Переяславецъ такъ какъ въ его названіи слышится корень Рус.

даеть; такой отвѣтъ даеть исторія Льва Діакона. Никифоръ Фока выставилъ Руссовъ, какъ противовѣсъ Болгарамъ. Дѣло происходило такъ. Къ Никифору Фокѣ пришли послы отъ Болгарскаго царя съ требованіемъ положенной дани. Императоръ страшно разсердился, приказалъ бить пословъ по щекамъ и отослалъ назадъ; а за тѣмъ самъ отправился противъ нихъ походомъ. Но походъ былъ неудаченъ: вслѣдствіе непроходимости дорогъ онъ долженъ былъ воротиться назадъ¹⁾; но не бросилъ всетаки мысли наказать Мизійцевъ (Болгаръ); поэтому послалъ къ Тавро-Скиѣамъ (Руссамъ) патриція Калокіра, съ тѣмъ чтобы тотъ, раздавши 1500 фунтовъ врученнаго ему золота, привелъ ихъ въ землю Мизанъ для ея завоеванія. „Посланный же имъ Калокіръ, пришедши въ Скиѣю, понравился начальнику Руссовъ, подкупилъ его дарами, очаровалъ лестными словами (весь Свѣтскій народъ чрезвычайно корыстолюбивъ, жаденъ къ подаркамъ и даже любитъ самыя обѣщанія) и убѣдилъ идти противъ Мизанъ съ великою ратью съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, покоривши ихъ, удержалъ ихъ страну въ собственной власти, а ему содѣйствовалъ въ завоеваніи Римскаго государства и полученіи престола. Онъ обѣщаль ему за то доставить великія, безчисленныя сокровища изъ казны государственной. Такое обѣщаніе является очень естественнымъ. Императоръ, какъ мы видѣли, хотѣлъ только, чтобы Святославъ опустошалъ Болгарскую землю; но онъ не думалъ, что Святославъ покорить ее и удержать въ своей власти. Не много времени прошло съ тѣхъ поръ, когда въ Болгаріи царствовалъ Симеонъ, бывшій подъ самимъ Царьградомъ и, можно сказать, провозглашенный тамъ императоромъ. Но не такова была Болгарія при Петрѣ: въ это время она утерала все свое политическое значеніе. Вотъ что говорить по этому поводу Гильфердингъ въ своей исторіи Болгаръ. „Какъ скоро Симеона не стало, Болгарія останавливается на пути, по которому шла неуклонно столько лѣтъ: время возвышенія и развитія для нея кончилось, наступило время упадка; покинуты всѣ старыя, завѣтныя ея стремленія, мысль о завоеваніи Византіи, мысль о самобытномъ Христіанскомъ и Славянскомъ просвѣщеніи; Болгарія стала безсильна передъ врагами, мертвенна внутри. Очевидно, въ этомъ

1) Кедренъ и Зонара выставляютъ причиною похода то обстоятельство, что Болгаре пропускали черезъ свои владѣнія Угровъ, шедшихъ противъ Византіи.

огромномъ государствѣ Болгарскомъ, которымъ Симеонъ такъ слабо правилъ, мало было жизненной силы и крѣпости, когда трудовое просвѣщенное царствованіе его не могло приготовить въ Болгаріи основаній для долговременнаго могущества и процвѣтанія, а, напротивъ, оставило ее истощенною, ибо великія предпріятія, великіе духовные труды укрѣпляютъ народъ свѣжей и живой, а истощаютъ они лишь то государство, тотъ народъ, для котораго пора развитія кончилась и въ которомъ они являются уже какъ бы послѣднею вспышкою жизненной дѣятельности“. Но кромѣ этихъ общихъ причинъ, были и частныя, помогшія Святославу покорить Болгарію. Тутъ въ это время было много людей, считавшихъ Петра незаконнымъ обладателемъ престола, негодовавшихъ на него за дружбу съ Греками и жалѣвшихъ о старыхъ, воинственныхъ временахъ Болгаріи. Главою ихъ сдѣлался Шишманъ, одинъ изъ могущественнѣйшихъ бояръ Болгарскихъ.

О первомъ вторженіи Святослава въ Болгарію Левъ Діаконъ рассказываетъ такъ. Святославъ поддакъ обѣщаніямъ Калокіра и сталъ собирать юношество къ походу. Вмѣстѣ съ нимъ отправился и Каловиръ, который сдѣлался у него приближеннымъ лицомъ. Дружины было собрано 60,000 ¹⁾. Напрасно Болгаре, слышавъ, что онъ хочетъ высадиться на берегъ, выступили противъ него: не смотря на храброе сопротивление, они принуждены были отступить и запереться въ Дористолѣ. При этомъ царь Болгарскій Борисъ умеръ отъ горести. Такъ рассказываетъ о первомъ вторженіи въ Болгарію Левъ Діаконъ. Такой рассказъ въ общихъ чертахъ сходенъ съ рассказомъ русской лѣтописи. И по той, и по другой выходитъ, что Святославъ сдѣлалъ удачное вторженіе въ Болгарію. Выраженіе нашей лѣтописи: „емія дань на Грецехъ“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Святославъ опять получилъ подарки отъ Никифора Фоки. Относительно хронологіи того и другого источника нужно замѣтить, что она приблизительно совпадаетъ ²⁾. До 970 года, т. е. до смерти Никифора Фоки, Левъ Діаконъ рассказываетъ еще слѣдующія подробности. Подъ конецъ своей жизни Никифоръ задумалъ, но не успѣлъ привести въ исполненіе одного своего

¹⁾ Цифра эта, конечно, преувеличена.

²⁾ Русская лѣтопись относитъ это событіе къ 967 году; а по Льву Діакону выходитъ, что оно случилось послѣ народнаго мятежа 966, т. е. тоже приблизительно въ 967 году.

плана. Ослабивъ въ достаточной степени Мизянь и боясь усиливающегося вліянія въ Болгаріи Святослала, Никифоръ, какъ мудрый политикъ, рѣшилъ теперь помочь Болгарамъ противъ Руссовъ; по нужно было прежде примириться съ ними; съ этой цѣлью онъ попросилъ у нихъ изъ царскаго семейства невѣсть для синовой императора Романа; это средство помогло и теперь, какъ всегда, потому что князя Славянскихъ племенъ считали большою честью породниться съ Императорскимъ Византійскимъ домомъ. „Мизяне, говоритъ Левъ Діаконъ, приняли слово съ радостію, посадили дѣвъ царской крови въ колесницу и отправили къ императору, прося защитить ихъ, отвратить всякую надъ ихъ главами сѣкуру Тавровъ и сдѣлать ее недѣйствительною“. Но среди приготовленій къ походу императоръ погибъ насильственною смертію отъ руки Іоанна Цимисхія, своего двоюроднаго брата по матери. Что же касается до русскихъ лѣтописей, то въ нихъ точно также не находимъ мы вмѣшательства Грековъ противъ Руссовъ до 970 года. Въ тѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ, напримѣръ, въ Ипатской лѣтописи о періодѣ времени отъ 967—970 года. Подъ 968 мы читаемъ. „Придоша Печенѣзи пѣрвое на Рускую землю, а Святославъ бяше въ Переяслазци; и послаша Кіяне къ Святославу, глаголюще: ты, княже, чужей земли ищешь, и блюдешь, а своя ся лишивъ; малѣ бо насъ не взяша Печенѣзи, и мать твою и дѣтей твоихъ. Аще не придеши, ни оборониши насъ, до паки възмутъ, аще ти жаль отъчины своя и матерь стары суща и дѣтей своихъ. То слышавъ Святославъ, вборзѣвъ всѣдѣ на кони съ дружиною своею и приде къ Киеву, и цѣлова мать свою и дѣти своя, съжался о бывшемъ отъ Печенѣгъ; и събра вой и прогна Печенегъ въ поле, и бысть мърво“. Въ 969 году Святославъ жилъ въ Руси; въ началѣ и среднѣ 970 года тоже въ Руси, и только подъ конецъ 970 отправился опять въ Болгарію, куда прибылъ уже въ началѣ 971 года. Что же касается дальнѣйшихъ событій, то въ русскихъ лѣтописяхъ и у Льва Діакона они изложены различно. Въ русскихъ лѣтописяхъ они изложены такъ. Въ 971 году Святославъ подошолъ къ Переяславцу и рѣшилъ взять его копьемъ (приступомъ); сначала одолевали было Болгаре, но подъ вечеръ Руссамъ удалось овладѣть городомъ. Послѣ взятія Переяславца Святославъ послалъ Грекамъ сказать: „хощю на вы ити и взяти городъ вашъ яко и сій“. Греки на это отвѣтили: „мы не дужи противу вамъ стати; но возьми на насъ дань и на дружину свою и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на голо-

вы". Но говорили это Греки „лѣстяче“ съ цѣлью узнать число дружины Святослававой. Святославъ сказалъ, что у него 20,000, хотя на самомъ дѣлѣ у него было только 10,000. Греки дани не дали, а выставили противъ Руссовъ 10,000 дружины. Увидя такое многочисленное войско, дружина Святослава испугалась; но Святославъ ободрилъ ее такою рѣчью. „Уже намъ нѣкамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу: да не посраимъ земли Руское, но ляжемы костью ту, и мертвый бо сорома не имаеть; аще ли побѣгнемъ, то срамъ намъ; и не пмаемъ убѣгнути, но станемъ вѣриво, азъ же предъ вами пойду. Аще моя голова ляжетъ, тоже промыслите о себѣ“. Дружина ему на это отвѣтила: „идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложимъ“. Началась злая сѣча, въ которой Святославъ остался побѣдителемъ. Послѣ этой побѣды Святославъ сталъ завоевывать и разбивать города, „иже, говорить лѣтописецъ, стоять пусты и до сего дни“. Византійскій императоръ сталъ совѣтоваться со своими боярами и говорить имъ: „что створимъ, не можемъ стати противу ему!“ Бояре посовѣтовали испытать золотомъ и паволоками. Посланные возвратились и донесли, что хотя онъ и принялъ подарки, но даже не посмотрѣлъ на нихъ. Тогда нѣкоторые посовѣтовали еще послать въ подарокъ оружія. Оружіе Святославъ принялъ съ удовольствіемъ: „нача любити, хвалити и цѣловати царя¹⁾. Узнавши объ этомъ, бояре сказали: „лють сей муаъ хочеть быти, яко имѣнія небрежеть, а оружье емлетъ; имися по дань“. Царь послѣдовалъ ихъ совѣту, и Святославъ получилъ дань не только на долю живыхъ, но и на долю мертвыхъ, за которыхъ долженъ былъ взять ихъ родъ. Взявши дань, Святославъ возвратился въ Переяславецъ. Но тутъ онъ началъ размышлять: такъ какъ у меня мало дружины, то могутъ и меня, и дружину мою полонить; поэтому я пойду въ Русь и приведу оттуда больше дружины. За тѣмъ послалъ къ императору въ Деръстръ съ такими словами: „хощю имѣти съ тобою миръ твердъ и любовь“. Царь обрадовался такому предложенію и прислалъ подарковъ больше, чѣмъ въ первый разъ. Святославъ же, взявъ дары, сталъ опять думать, какъ бы заключить миръ съ императоромъ. „Аще не створимъ мира съ царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, и пришедше оступятъ ны в городъ; а Русская земля далече есть, а Печенѣзи съ нами ратни, и кто ны поможетъ? Но створимъ

¹⁾ Въ Новгородской лѣтописи: яко самаго царя.

миръ съ царемъ, се бо ни ся по дань яль, и то буди довольно намъ. Аще ли начнетъ не управляти, то изнова изъ Руси, совокупивше воя множайша первыхъ и притемъ въ Царюграду“. Эта рѣчь очень поправилась дружинѣ, и они послали лучшихъ людей къ императору съ мирными предложеніями. Тотъ на мирныя предложенія пословъ согласился, и былъ заключенъ письменный договоръ такого рода. „Азь Святославъ, князь Русскій, якоже кляхся, и утвержаю на свѣщаніи семью свою. И хочу имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякимъ и великимъ царемъ Грѣцкимъ, и съ Васильемъ и съ Константиномъ и съ богодухновенными цари, и съ всеми людми вашими, иже суть подо мною Русь, бояре и прочи, до конца вѣка. Яко николиже помышляю на страну вашу, ни собираю людей, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью Грѣцкою, ни на власть Корсунскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарскую. Да аще инъ кто помыслитъ на страну вашу, да азь буду противень ему и быюся съ нимъ. Яко же и кляхся азь съ царемъ Грѣцкимъ, и со мною бояры и Русь вся, да хранимъ правая свѣщанія. Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ и прежде реченыхъ не хранимъ, азь же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, в Перуна и Волоса, бога скотья, да будемъ золотѣ, яко же золото се, и своимъ оружемъ да иссѣчени будемъ, да умремъ. Се же имѣете во истину, яко же створихъ нынѣ къ Вамъ и написахъ на хароты Сей и своими печатями запечатахомъ“. Таковъ рассказъ о событіяхъ съ 971 года русскихъ лѣтописей; Левъ Діабонъ рассказываетъ совсѣмъ иначе. Анализируемъ поэтому прежде всего извѣстія русскихъ лѣтописей, не найдется ли въ нихъ самихъ внутреннихъ противорѣчій. Сравнивая извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ съ мирнымъ договоромъ, мы замѣчаемъ большую странность. Святославъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ оставался побѣдителемъ: въ первой и рѣшительной битвѣ онъ остался побѣдителемъ, послѣ чего завоевалъ и разрушилъ многіе города, „которые стоятъ пусты и до сего дня“; другой битвы, если вѣрить русскимъ лѣтописямъ, не было: шли только мирные переговоры; между тѣмъ договоръ явно клонится не въ пользу Руссовъ, а Грековъ. Не могъ побѣдитель согласиться на такія мирныя условія, по смыслу которыхъ онъ долженъ былъ удалиться изъ завоеванныхъ земель—изъ Болгаріи, впредь никогда не идти походомъ не только что на землю Греческую, но даже на землю Корсунскую и Болгарскую; мало того: даже воевать со всякимъ

кто сдѣлаетъ нападеніе на Грековъ. Такихъ условій, повторяемъ, побѣдитель принимать не можетъ.

Правда лѣтописецъ старается объяснить этотъ, не вяжущійся съ предыдущими военными успѣхами, мирный договоръ тѣмъ обстоятельствомъ, что Святославу нуженъ былъ миръ, такъ какъ у него было мало дружины. Но такое объясненіе насъ удовлетворить не можетъ; оно могло бы въ томъ случаѣ имѣть силу доказательства, если бы Святославъ желалъ мира, но Греки его не желали вслѣдствіе одержанныхъ побѣдъ. Но этого по тексту лѣтописному не было; наоборотъ, Греки желаютъ мира, те жалуютъ даже подарковъ для достиженія цѣли, причемъ и не подозреваютъ о малочисленности Руссовъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ договорѣ нѣтъ и намека на дань, между тѣмъ какъ во время предварительныхъ переговоровъ о мирѣ Греки обязались платить ее Руссамъ. Такъ передъ вторымъ посольствомъ къ Грекамъ о мирѣ Святославъ говоритъ дружинѣ: „створимъ миръ съ царемъ, се бо ны ся по дань ялъ, и то буди довольно намъ. Аще ли начнетъ не управляти дани, то изнова изъ Руси, совокупивше воя множайша первыхъ и придемъ къ Царюграду“.

Въ самомъ разказѣ о мирныхъ переговорахъ есть много баснословнаго, легендарнаго. Послѣ первой битвы Греческій императоръ послалъ къ Святославу подарки: золото и паволоки; а когда они не произвели на Святослава никакого впечатлѣнія, то посылаетъ оружіе, которое Святославъ принялъ съ удовольствіемъ; а изъ сопоставленія этихъ двухъ фактовъ Греки убѣдились въ лютости Святослава. Въ этомъ, по мнѣнію простодушнаго лѣтописца, проявилась греческая хитрость, на которой, какъ мы видимъ, лежитъ печать простодушія ея разскащика. Такъ и представляется намъ при этомъ простодушный хитрецъ-Бѣлгородскій старецъ, посовѣтовавшій поставить въ 2 колодца каменъ съ сытою и обманувшій такимъ образомъ Печенѣговъ. Убѣдившись такимъ хитрымъ, по мнѣнію лѣтописца, способомъ въ воинственности Святослава, Византійскій императоръ посылаетъ сказать ему: „не ходи къ городу, но возьми дань и еже хочещи“. Тѣмъ болѣе странно непосредственно вслѣдъ за этимъ читать о дальнѣйшихъ усиліяхъ къ заключенію мира, но уже не со стороны императора, а со стороны Святослава. Очевидно, слѣдовательно, что въ русскихъ лѣтописяхъ пропущены вторія событія ¹⁾. Эти пропущенныя событія восстанавли-

¹⁾ Сказавъ въ своей „Исторіи Россіи“ признаетъ всѣ извѣстія рус-

еть намъ Левъ Діаконъ. Никифоръ, какъ мы видѣли, подъ конецъ своей жизни счелъ нужнымъ держаться такой политики, чтобы, соединившись съ Болгарами (съ этою цѣлью онъ выпросилъ невѣсть для несовершеннолѣтнихъ императоровъ), противодѣйствовать Руссамъ. Іоаннъ тоже опасался, чтобы Святославъ не упрочилъ за собою завоеваній въ Болгаріи. А завоеванія эти были очень велики: русскія лѣтописи передаютъ намъ о взятіи въ это время Святославомъ Переяславца; городъ Филиппополь, какъ передаетъ Левъ Діаконъ, тоже былъ въ его власти ¹⁾. Очевидно, слѣдовательно, что Святославъ овладѣлъ тогда всею сѣверною Болгаріею; тѣмъ болѣе, что это вполне согласно съ извѣстіемъ Льва Діакона, который говоритъ, что Святославъ въ это время уже совершенно овладѣлъ странюю Болгарь.

Іоаннъ сначала хотѣлъ склонить къ миру Святослава. „Съ Святославомъ, говоритъ Левъ, Іоаннъ рѣшился примириться. И такъ онъ отправляетъ къ нему пословъ съ требованіемъ, чтобы онъ, получивъ обѣщанную Никифоромъ награду по случаю похода противъ Мизянь ²⁾,

скихъ лѣтописей вѣрными, подтверждая ихъ извѣстіями византійскихъ писателей; но въ нихъ, по его мнѣнію, есть пропускъ, такъ какъ Свѣнельдъ и его товарищи, передавая объ однихъ подвигахъ, умолчали о неудачахъ. Вѣловъ въ своей статьѣ „Борьба Великаго Князя Кіевскаго Святослава Игоревича съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ“ въ противоположность этому говоритъ: „можно въ чемъ угодно упрекнуть наши лѣтописи—въ сухости, краткости; но нѣтъ никакого повода сказать, чтобы наши древнѣйшія лѣтописи утаивали неудачи изъ ложнаго патріотизма. Въ лѣтописи явный пропускъ: пропущена вся борьба Святослава съ Цимисхіемъ въ Болгаріи“.

¹⁾ Левъ Діаконъ при этомъ случаѣ рассказываетъ, что, взявши городъ, Святославъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ пересажалъ на колъ 20000 плѣнныхъ и тѣмъ, устранивъ ихъ чрезвычайно, заставилъ себя покориться. Цифра 20000, конечно, тутъ преувеличена; но все таки частица правды въ этомъ фактѣ есть. Дѣло въ томъ, что Святославъ на этотъ разъ встрѣчалъ дѣйствительно сопротивление (стоитъ только вспомнить, что Переяславецъ, разъ уже имъ завоеванный, онъ принужденъ былъ снова брать съ бою), которое нужно поставить въ связи съ оборонительнымъ союзомъ между Болгарами и Греками.

²⁾ Въ связи съ этимъ въ русскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ извѣстія о подаркахъ послѣ первой битвы съ Греками; это, конечно, ошибка:

перешелъ въ свои области, въ Киммерійскому Боспору и оставилъ ~~Македонію~~, принадлежащую Римлянамъ, какъ древнюю часть Македоніи“. ~~Въ Святославъ~~ безъ огромнаго выкупа уходить не хотѣлъ.

Надменный одержанными побѣдами надъ Мисянами, говорить Левъ, ~~устраивившій~~ и изумившій ихъ своею врожденною свирѣпостью, онъ ~~какъ~~ послалъ Римскимъ слѣдующій гордый отвѣтъ: что „онъ не оставитъ сей богатой ¹⁾ области, если не дадутъ ему великой суммы денегъ, если не выкупятъ завоеванныхъ городовъ и плѣнныхъ. Если Римляне не захотятъ мнѣ столько заплатить, то да переселятся они изъ ~~Европы~~, имъ не принадлежащей, въ Азію; да не мечтаютъ, что Скиѣи примирятся съ ними“. Императоръ, получивъ таковой отвѣтъ, вторично отправилъ пословъ къ Скиѣамъ (Руссамъ) съ мирными предложениями; очевидно, слѣдовательно, что Іоанну нехотѣлось открытаго разрыва съ Святославомъ. Теперь во второй разъ онъ уже не только угрожаетъ, но и угрожаетъ, приводя на память Святославу его отца Игоря. „Я думаю, говорилъ онъ, что ты не забылъ пораженія отца своего Игоря, который, презрѣвши клятву, съ великимъ ополченіемъ, въ 10000 судовъ, подступилъ къ царствующему граду Византіи и едва только успѣлъ съ 10 ладьями убѣжать въ Боспоръ Киммерійскій съ извѣстіемъ о собственномъ бѣдствіи. Я не упоминаю о его несчастной смерти, когда, плѣненный на войнѣ съ Германцами, (sic) онъ привязанъ былъ къ 2-мъ деревьямъ и разорванъ на 2 части“. Но и это посольство не имѣло никакого успѣха: Святославъ очень дерзко отвѣчалъ, что Римскому императору не за чѣмъ къ нимъ (Руссамъ) идти, но что, наоборотъ, онъ (Святославъ) самъ будетъ у воротъ Царяграда. Но и тутъ Іоаннъ не прямо приступилъ къ дѣлу, а сталъ еще дѣлать нѣкоторые приготовления: набралъ себѣ отрядъ храбрыхъ юношей, назвалъ его безсмертнымъ и приказалъ всегда быть при себѣ; повелѣлъ магистру Варду Сьлиру, родному брату своей умершей супруги, и Петру,

эти подарки нужно отнести ко времени переговоровъ о мирѣ; очевидно, это извѣстіе русской лѣтописи стоитъ не на своемъ мѣстѣ.

1) Припомнимъ по этому поводу отвѣтъ, данный Святославомъ матери: „забыло ми есть в Кіевѣ жити, хоцю жити въ Переяславци въ Дунай, яко то есть среда земли моея, яко ту вся благая сходятся: отъ Грѣкъ паша, золото, вино, и ошочи разноличьнии и ис Чеховъ, и изъ Угорь серебра и коночи, изъ Руси же скоро и воскъ и медъ и челядь“.

цѣльное, на самомъ дѣлѣ распадается на двѣ части, другъ отъ друга независимыя: въ первой говорится о какой то битвѣ и побѣдѣ Святослава надъ Греками, а во второй—о завоеваніи имъ городовъ. Но не нужно думать, что это завоеваніе городовъ должно было случиться вслѣдъ за описанной битвой; могло быть и иначе. Но какъ же оно было на самомъ дѣлѣ? Завоеваніе городовъ случилось дѣйствительно послѣ Адрианопольской битвы, когда Вардъ Склиръ удалился въ Азію и на его мѣсто былъ назначенъ неспособный Іоаннъ; но изложенный въ первой части рассказъ относится не къ Адрианопольской битвѣ, какъ думаетъ г. Бѣловъ, а къ одной изъ Дористольскихъ, какъ увидимъ впоследствии. Во вторыхъ, подарки нужно отнести ко времени переговоровъ о мирѣ, которые происходили передъ Адрианопольской битвой, а не послѣ нея. Третихъ, возвращеніе Святослава въ Переяславецъ и послѣдовавшее за тѣмъ посольство съ мирными предложеніями къ царю въ *Дерестъръ* невѣроятны. Какимъ образомъ Византійскій императоръ могъ сейчасъ послѣ Адрианопольской битвы попасть въ Дерестъръ? Да развѣ, наконецъ, до заключенія мира Дерестъръ былъ отнятъ у Руссовъ Греками? Но этого мало. Русскія лѣтописи описываютъ не стычку передовыхъ отрядовъ, а настоящую рѣшительную битву, которая должна была рѣшить успѣхъ всей кампаніи („видѣвъ же Русь и убояшася зѣло множества вои“), такъ что Святославъ долженъ былъ ободрять свою дружину („уже намъ нѣкамо сядѣти, но ляжема костью ту“ говорить онъ). Между тѣмъ битва подъ Адрианополемъ не имѣла такого характера: тутъ передовой отрядъ Руссовъ, Венгровъ и Болгаръ сражился и былъ побѣжденъ передовою ратью Грековъ, подъ начальствомъ Варды Склира. Но такъ какъ это были передовые отряды, то предводительствовать ими должны были не главные, а второстепенные вожди. Дѣйствительно: греческою ратью предводительствовалъ не самъ императоръ, а Варда Склиръ, и русской не самъ Святославъ, а кто то другой ¹⁾ (кто невѣстно). Между тѣмъ предводителемъ Руссовъ въ

¹⁾ Это видно изъ того, что предводитель Руссовъ въ этой битвѣ былъ ~~убитъ~~. Въ то время, говорить Левъ, когда бѣгство Руссовъ не было рѣшительно, нѣкто изъ знатныхъ Скивовъ, отличный отъ всѣхъ и великимъ ~~ресомъ~~ и бескомъ доспѣховъ, ходилъ передъ рядами и поощрялъ къ сраженію, а Вардъ Склиръ выѣхалъ къ нему и ударилъ его мечомъ по головѣ ~~столь сильно, что разрубилъ его до самой пряжки пояса“~~ (ζωστήρ).

занимавшему должность начальника стана, отправиться въ ближайшую область Болгаріи, зимовать тамъ, обучать войско, защищать страну отъ набѣговъ Руссовъ и посылать развѣдчиковъ въ ихъ лагерь. Руссы, узнавъ о томъ, что Греки вошли въ Болгарію, послали противъ нихъ часть своего войска, присоединивъ къ ней Гунновъ ¹⁾ и Мисянь. Тутъ произошла битва, результатомъ которой было полное пораженіе Руссовъ (по словамъ Льва Діакона): у Грековъ было убито 55 человекъ, а у Руссовъ вышло изъ строя болѣе 20000. Невѣроятность этихъ цифръ очевидна; тѣмъ болѣе, что сраженіе, какъ говоритъ Левъ Діаконъ, сначала колебалось, счастье попеременно переходило, такъ сказать, то на ту, то на другую сторону, и съ обѣихъ сторонъ уже многіе храбрые пали. Такимъ образомъ полной и рѣшительной побѣды Грековъ мы допустить не можемъ: быть можетъ, битва была нерѣшительная. Гильфердингъ и Бѣловъ видятъ въ этомъ фактѣ (въ рассказѣ о битвѣ подъ Адрианополемъ) тотъ же самый фактъ, о которомъ довольно подробно рассказываетъ наша лѣтопись. Гильфердингъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія не приводитъ; поэтому обратимся къ доводамъ Бѣлова. Вотъ что говоритъ Бѣловъ. Что рассказъ этотъ относится къ Адрианопольской битвѣ, это видно изъ слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ, изъ словъ лѣтописца „и поиде Святославъ воюя къ городу и другія города разбивая“. Какіе же другіе города разорялъ Святославъ послѣ Доростольскихъ битвъ? „И поиде къ городу“, значить, пошелъ къ Царьграду или къ Адрианополю; во-вторыхъ, за описаніемъ этой битвы слѣдуетъ извѣстный рассказъ о дарахъ; третьихъ, изъ словъ „взя же и дары многы и възратися въ Переяславецъ съ похвалою великою“. Въ этихъ словахъ прежде всего видно различіе съ вышеприведеннымъ мѣстомъ „поиде воюя къ городу“, здѣсь прямо говорится о возвращеніи въ Переяславецъ, по полученіи даровъ. Возражая Бѣлову, мы должны сказать, что русская лѣтопись представляетъ намъ не полный, послѣдовательный рассказъ о Болгарской войнѣ, какъ уже было доказано нами, а рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, выдержанныхъ главнымъ образомъ изъ византійскихъ писателей, и не стоящихъ другъ съ другомъ въ причинной связи. Вслѣдствіе этого и отрывокъ русской лѣтописи ²⁾, приводимый г. Бѣловымъ и принимаемый имъ за нѣчто

¹⁾ Венгровъ.

²⁾ Онъ начинается такъ: „И поиде Святославъ на Греки...“

битвѣ, описанной русскими лѣтописями, былъ самъ Святославъ. Теперь возвратимся снова къ разсказу. Руссы, узнавъ, что Вардъ Склиръ былъ отозванъ въ Азію для подавленія возмущенія Варда Фоки, стали дѣлать печальныя нападенія, грабить и безъ пощады опустошать Македонію. Это было для нихъ тѣмъ болѣе возможно, что начальствовалъ надъ Греками неискусный, бездарный магистръ Іоаннъ. Между тѣмъ Іоаннъ Цимисхій сумѣлъ воспользоваться этимъ зимнимъ временемъ: велѣлъ снарядить огненосныя суда и отправить па нихъ хлѣба, оружія, чтобы ни въ чемъ не было недостатка во время военныхъ дѣйствій. Такъ дѣло шло до весны. Весною же самъ онъ рѣшился идти походомъ противъ Руссовъ. Это выступленіе сопровождалось большою торжественностью. Онъ всенародно молился въ знаменитѣйшихъ храмахъ столицы: сначала въ церкви Спасителя, находившейся въ Халкійскомъ отдѣленіи дворца, потомъ въ соборѣ Св. Софіи и во Влахернскомъ храмѣ Богоматери. За тѣмъ, посмотрѣвъ примѣрное сраженіе судовъ, отослалъ ихъ въ Дунай. Самъ же со всеѣмъ войскомъ отправился въ Адранополи. Узнавъ здѣсь отъ лазутчиковъ, что Балканскіе проходы (κλεισόβραι) оставлены безъ всякой стражи, онъ рѣшился, не медля ни минуты, перейти ихъ. Поэтому онъ обратился къ военачальникамъ съ увѣщаніемъ воспользоваться оплошностью непріятелей, не думавшихъ, что Греки выступятъ въ походъ во время Пасхи, оставивъ все обряды великаго праздника, блестящія одежды, торжественныя ходы, пиршества и зрѣлища, и перейти эти тѣснины. „Но смѣлыя слова, говоритъ Левъ, которыми онъ убѣждалъ перевести войско по гористой и наислненной оврагами дорогѣ въ непріятельскую землю, казались военачальникамъ исполненными безразсудной дерзости, подобной изступленію“. Они ничего не отвѣчали. Тогда императоръ, видя ихъ нерѣшительность, снова началъ ихъ убѣждать. „Дѣйствовать на войнѣ неосторожно, смѣло и отважно, конечно, сопряжено съ опасностью и даже съ совершенною гибелью, говорилъ онъ: я знаю это самъ, воспитанный въ битвахъ съ самой юности и одержавшій уже многія, какъ вамъ извѣстно, побѣды. Но когда счастье виситъ, такъ сказать, на волоскѣ и не даетъ поступать съ размышленіемъ, тогда должно пользоваться ею имъ и приступать къ дѣлу, съ чѣмъ, кажется, и вы согласитесь сами, пріобрѣвшіе великую опытность отъ его непостоянства и превратности въ сраженіяхъ. И такъ, если вѣрите моимъ совѣтамъ, воспользуемся этимъ временемъ, доколѣ Сционъ, находясь въ безпечности, не знаютъ

еще о нашемъ прибытіи: вскорѣ за переходомъ нашимъ черезъ узкое мѣсто послѣдуетъ побѣда. Если они, узнавъ о нашемъ намѣреніи переправиться черезъ эти мѣста, станутъ въ боевой порядокъ въ тѣсномъ проходѣ, то дѣло кончится худо, и мы подвергнемся крайней опасности. И такъ, съ неустрашимымъ духомъ и мыслию, что вы-Римляне, побѣждавшіе всѣхъ непріятелей своихъ, слѣдуйте немедленно за мною и на самомъ дѣлѣ покажите свою доблесть“. Я нарочно привелъ это довольно длинное мѣсто изъ Льва Діакона, такъ какъ оно очень характерно. Въ немъ насъ поражаетъ прежде всего нерѣшительность, даже боязнь восначальниковъ. Клейсуры Балканскія не заняты Руссами; но вожди все таки считаютъ переходъ черезъ нихъ дѣломъ рискованнымъ, даже безразсудно дерзкимъ. Самъ императоръ, который храбрѣе и рѣшительнѣе ихъ всѣхъ, считаетъ свой образъ дѣйствій неосторожнымъ, смѣлымъ и отважнымъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами словъ, и даже, быть можетъ, гибельнымъ; но оправдываетъ его важностью на настоящаго положенія вещей, когда счастье, по его собственнымъ словамъ, виситъ на волосѣхъ. Чѣмъ же объяснить такой страхъ? Очевидно тѣми завоеваніями, опустошеніями и грабежомъ, которыя производили Руссы по удаленіи Варда Склира въ Азію, въ Македоніи, когда, по выраженію русскихъ лѣтописей, „Святославъ поиде воюя къ городу и другія города разбивая, иже стоятъ пусты и до днешняго дни“ и когда онъ „за маломъ не шелъ Царяграда“. Теперь, если поставить эти опустошенія въ зависимости отъ исхода битвы съ Вардомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ связи съ нею, какъ это необходимо сдѣлать, то, кажется, нужно будетъ прийти къ такому заключенію, что побѣда Грековъ не имѣла очень важнаго значенія, не имѣла значенія побѣды, одержанной надъ цѣлымъ непріятельскимъ войскомъ съ его вождемъ во главѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ еще одинъ аргументъ въ пользу того мнѣнія, что Вардъ разбилъ не самого Святослава, а только его передовую рать. Убѣдивъ такимъ образомъ въ необходимости прохода черезъ перевалы, Іоаннъ напередъ пошолъ самъ съ отрядомъ безсмертныхъ гоплитамъ въ количествѣ 15000 и конницей въ количествѣ 13000; остальное войско съ обозомъ, осадными и другими орудіями шло зади подъ предводительствомъ Василія. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ пошолъ противъ Святослава, собравши всѣ силы своего государства, и то съ большими колебаніями; поэтому представляется совершенно вѣроятнымъ, чтобы Вардъ такъ легко побѣдилъ тогоже Свя-

тослава, противъ котораго теперь выступилъ самъ императоръ со всѣми своими военными силами. Миновавъ, сверхъ всякаго чаянія, благополучно горные проходы, Иоаннъ появился у великой Преславы, столицы Болгарии. При своемъ приближеніи къ ней, онъ велѣлъ громко трубить къ бою, стучать въ кимвалы, бить въ бубны. Внезапное появленіе хорошо организованнаго войска передъ воротами города на первыхъ порахъ поразило страхомъ Руссовъ; но за тѣмъ они немедленно вооружились, взяли свои длинные щиты, стали въ боевой порядокъ и какъ рыкающіе дикіе звѣри, съ ужаснымъ и страшнымъ воплемъ, по выраженію Льва Діакона, выступили противъ Грековъ на ровное поле передъ городомъ. И тѣ, и другіе сражались очень храбро, такъ что битва была равная. Тогда императоръ велѣлъ своему отряду безсмертныхъ быстро напасть на лѣвое крыло непріятелей. Руссы, сражавшіеся обыкновенно пѣшими, не выдержали натиска конницы, обратились въ бѣгство и заперлись въ стѣнахъ города. Греки преслѣдовали ихъ и убили 8500 человекъ. Но оставшіеся въ городѣ защищались отчаянно. Между тѣмъ Калокиръ, узнавъ, что самъ императоръ предводительствуетъ войскомъ, тайно въ самую глухую ночь убѣжалъ изъ Преславы. На другой день подоспѣло и все остальное войско съ осадными орудіями. Въ этотъ же самый день императоръ рѣшилъ взять городъ приступомъ. Руссы, съ своимъ вождемъ Сфенкеломъ въ главѣ, рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности: бросали копья, стрѣлы и камни. Самъ императоръ ободрялъ наступавшихъ Грековъ и велѣлъ приставить лѣстницы. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, одна часть Грековъ взобралась по лѣстницамъ на стѣны, прогнавъ оттуда Руссовъ, а другая отбила запоры у воротъ и ворвалась такимъ образомъ въ городъ. Уцѣлѣвшая дружина Руссовъ скрылась въ царскій дворецъ; императоръ узнавъ объ этомъ, велѣлъ отборному отряду взять дворецъ приступомъ; но сдѣлать это было чрезвычайно трудно, такъ какъ Руссы убивали всѣхъ Грековъ, вступающихъ въ узкія ворота; тогда императоръ велѣлъ поджечь дворецъ. Руссы принуждены были выйти оттуда и затѣмъ всѣ погибли въ неравной битвѣ, за исключеніемъ немногихъ, въ томъ числѣ и Сфенкеда. Болгарскій царь Борисъ былъ взятъ въ плѣнъ; но обошлось съ нимъ Цимисхій хорошо, сказавъ, что онъ воюетъ не противъ Болгаръ, а противъ Руссовъ. Объ этомъ фактѣ, т. е. объ осадѣ и взятіи Преславы русскія лѣтописи не знаютъ или, по крайней мѣрѣ, не говорятъ ничего. Но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ впо-

лнѣ достовѣренъ. Молчаніе русскихъ лѣтописей объясняется тѣмъ, что въ нихъ вообще Болгарская война описана неполно и сбивчиво. Византійскіе же историки, писавшіе объ этой войнѣ (кромѣ Льва Діакона, Кедренъ и Зонара) говорятъ о немъ. Косвенно подтверждается справедливость этого факта тѣмъ, что Святославъ въ походъ 971 года завоевалъ всю Болгарію, извѣстія о чемъ мы находимъ и въ русскихъ лѣтописяхъ („за маломъ бо бѣ не шель Царяграда“, читаемъ мы въ Ипатской лѣтописи). Такимъ образомъ осада и взятіе Преславы являются фактами несомнѣнными. Остается опредѣлить, если только будетъ можно, кто такой былъ Сфенкель, начальникъ русскаго гарнизона въ Преславѣ. Погодинъ, Гильфердингъ и Бѣловъ думаютъ, что это былъ Свѣнелдъ, не представляя впрочемъ никакихъ основаній въ пользу своего мнѣнія. Но ихъ предположенію противорѣчитъ то обстоятельство, что Сфенкель, защищавшій Преславу, какъ объ этомъ рассказываетъ Левъ Діаконъ, былъ убитъ при осадѣ Дористола; между тѣмъ лѣтописнаго Свѣнелда мы встрѣчаемъ и по смерти Святослава на службѣ у Ярополка Кіевскаго. Такимъ образомъ придется или признать извѣстіе Льва Діакона о смерти Сфенкела справедливымъ,—въ такомъ случаѣ Сфенкель и Свѣнелдъ не одно и то же лицо, или же цѣлѣннымъ,—и въ такомъ случаѣ Сфенкель есть лѣтописный Свѣнелдъ. Самъ Левъ Діаконъ даетъ очень мало свѣдѣній о Сфенкелѣ. По его словамъ, онъ занималъ третье мѣсто послѣ Святослава; первое же мѣсто занималъ Икморъ, тоже погибшій при осадѣ Дористола; второе мѣсто оказывается, такъ сказать, вакантнымъ: его то и могъ занимать Свѣнелдъ независимо отъ Сфенкела, занимавшаго, какъ уже сказано, третье. Такимъ образомъ мы видимъ, что окончательно доказать какое либо мнѣніе нельзя; но все таки нужно отдать предпочтенію тому, что Сфенкель былъ самъ по себѣ, а Свѣнелдъ тоже самъ по себѣ. Идя отъ Преславы къ Дористолу, Иоаннъ взялъ многіе города, которые отложились отъ Святослава и въ числѣ ихъ Плискуву, Дилею. Но, несмотря на отпаденіе Болгарскихъ городовъ, смириться и уйти изъ Болгаріи Святославъ и не думалъ, „побуждаемый къ этому, говоритъ Левъ Діаконъ, своимъ Скиѣскимъ безуміемъ и надменнымъ побѣдами, одержанными надъ Мизянами“. „Но, продолжаетъ онъ дальше, видя, что Мизяне отстаютъ отъ союза и переходятъ на сторону государя, и зная, что, если всѣ они присоединятся къ нему, дѣла его кончатся худо, онъ оставилъ всѣхъ знаменитыхъ родомъ и богатствомъ Мизянь, числомъ до

300 человекъ и совершилъ надъ ними жестокое и безчеловѣчное злодѣйство: приказалъ всѣмъ отрубить головы“. Когда Цимисхій приближался къ Дористолу, то нѣкоторые воины его передовой рати были умерщвлены Руссами, сдѣлавшими засаду. Императоръ велѣлъ разыскать виновныхъ. „Пѣхотная отборная дружина со всею скоростію объѣхала лѣса и овраги, поймала этихъ злодѣевъ и привела къ нему ¹⁾ ихъ немедленно, по его распоряженію, изрубили мечами. Руссы встрѣтили Грековъ передъ городомъ на открытомъ мѣстѣ. На сторонѣ Грековъ было превосходство военнаго искусства; но и тѣ, и другіе сражались очень храбро, боясь потерять славу непобѣдимыхъ; но Руссы сражались еще съ большимъ остервененіемъ. „Руссы, говоритъ Левъ, предводимые природнымъ звѣрствомъ своимъ и яростію со всею быстротою, какъ бѣшеные, съ ревомъ бросались на Римлянъ, выступавшихъ съ опытностію и военнымъ искусствомъ“. Судьбу битвы рѣшила конница, посланная императоромъ: Руссы не выдержали ея натиска и поспѣшно удалились въ городъ. Послѣ этой первой битвы, окончившейся въ пользу Грековъ, императоръ велѣлъ укрѣпить свой станъ. Это было сдѣлано такъ. На небольшой возвышенности возлѣ города онъ расположилъ шатры; вокругъ нея велѣлъ выкопать ровъ, а вырываемую землю сыпать на край его и на этой насыпи поставить копья и щиты. Укрѣпивши такимъ образомъ свой станъ, онъ повелъ войско на приступъ, который повидимому оказался неудачнымъ: Руссы бросали на нападавшихъ изъ метательныхъ орудій стрѣлы и камни, между тѣмъ какъ Греки принуждены были защищаться только пращами и стрѣлами ²⁾. Ободрившись этимъ успѣхомъ, Руссы осмѣлились снова выйти изъ города, и даже часть ихъ выѣхала на лошадахъ. Левъ Діаконъ по

¹⁾ Очевидно, этого факта вполне принимать на вѣру нельзя; трудно повѣрить, чтобы „пѣхотная дружина со всею скоростію объѣхала лѣса и овраги“; вѣроятно, только нѣкоторые были пойманы.

²⁾ Подлинныя слова у Льва Діакона таковы. „Укрѣпивши такимъ образомъ шатры, государь на другой день повелъ войско къ стѣнѣ города. Скиены, стоя на башняхъ, бросали въ него стрѣлы и камни изъ всѣхъ метательныхъ орудій; Римляне снизу защищались одними пращами и стрѣлами. Сраженіе кончилось перестрѣлкою съ обѣихъ сторонъ: наши отступили въ станъ для подкрѣпленія себя пищею, а враги къ вечеру выѣхали за ограду“.

этому поводу замѣчаетъ, что тогда они еще первый разъ явились на коняхъ, ибо прежде всегда пѣшіе выходили на бой и вовсе не умѣли сражаться на лошадахъ. Но это выступленіе было очень неудачно. Не умѣя править лошадьми и будучи поражаемы копытами, они обратились въ бѣгство и заперлись въ стѣнахъ. Между тѣмъ къ Грекамъ подошла помощь въ видѣ огненосныхъ кораблей, что ихъ очень обрадовало. Но Руссы на другой день все таки вышли изъ города на битву. Долго сраженіе было нерѣшительно, и только тогда, когда Сфенкель былъ убитъ, Руссы поддались назадъ и отступили обратно въ городъ. Но послѣ этой сомнительной битвы Руссы имѣли дѣло, окончившееся для нихъ весьма удачно: они разбили одинъ греческій отрядъ и умертвили начальника его магистра Іоанна Куркуаса, родственника государева, который, не смотря на то, что былъ пьянъ, при ихъ нападении, сѣлъ на коня и устремился на нихъ; но конь его оступился и онъ упалъ; его настигли Руссы и изрубили мечами, думая, что убили самого Цимисхія. На другой день Руссы снова вышли изъ города и построились въ боевой порядокъ. Но битва была неудачна для нихъ: Неморъ, храбрый ихъ богатырь, первое лицо послѣ Святослава, былъ убитъ, и сами они принуждены были воротиться въ городъ. „Закинувъ свои щиты на спину, говоритъ Левъ Діаконъ, они начали отступать къ городу; наши, преслѣдуя ихъ, побивали. Когда же наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, продолжаетъ далѣе Левъ Діаконъ, то они вышли на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи рѣки Истра младенцевъ и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили. Интересно простодушное объясненіе этихъ дѣйствій у Льва Діакона. По его мнѣнію, Скиѣны научились этимъ тайнствамъ или у философовъ Анахарсиса и Замолксиса, или у товарищей Ахилла, который былъ родомъ Скиѣнъ изъ небольшого города Мирмикіона, расположеннаго близъ озера Меотиса, и за тѣмъ уже поселился во Фракіи, будучи изгнанъ изъ Скиѣи за необузданность, жестокость и высокомеріе. Добрами же его скиѣскаго происхожденія служатъ: плащъ съ красной, привычка сражаться пѣшимъ, свѣтлорусые волосы, голубые глаза, безумная отважность, вспыльчивость и жестокость, за что порицаетъ его Агамемнонъ въ этихъ словахъ: „тебѣ пріятны всегда споры раздѣли и битвы“. А что Скиѣны отважны до безумія, любятъ напа-

денія, видно изъ свидѣтельства многихъ писателей; такъ между прочимъ и божественный Іезекіиль упоминаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „се азъ навожу на тя Гога и Магога, князя Россѣ“. Конечно, принять объясненіе мистерій и кровавыхъ жертвъ у Руссовъ путемъ заимствованія отъ Грековъ мы не можемъ. Для насъ кажется возможнымъ смотрѣть на эти обычаи, какъ на выработанные совершенно самостоятельно въ славянскомъ язычествѣ. Предположеніе, что Ахиллъ былъ родомъ скиноѣ, безъ всякаго сомнѣнія не выдерживаетъ критики. Такимъ образомъ филологическія и историческія соображенія Льва Діакова не имѣютъ для насъ большаго значенія; важно для насъ самое извѣстіе для характеристики русскаго язычества. На другой день Святославъ созвалъ знатныхъ мужей на совѣтъ, называемый на языкѣ Руссовъ *коменомъ*(?) Мнѣнія раздѣлились: одни совѣтовали убѣжать тайно въ глухую ночь, такъ какъ много дружины и храбрыхъ ратоборцевъ уже пало; другіе, напротивъ, совѣтовали заключить съ Греками, миръ чтобы спасти хотя остальную дружину, тѣмъ болѣе, что тайно уплыть невозможно, такъ какъ на Дунаѣ находятся огнепосныя суда. Но Святославъ не былъ согласенъ ни съ однимъ изъ этихъ мнѣній. „Погибнетъ, говорилъ онъ, слава, сопутница оружія русскаго, безъ труда побѣждавшаго сосѣднихъ народовъ и безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны, если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ. И такъ, съ храбростью предковъ и съ тою мыслию, что русская сила до сего времени непобѣдима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая бѣгствомъ спасаться въ отечество, но или жить побѣдителями, или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою“.

„Услышавъ слова своего предводителя, говоритъ Левъ, они со всею охотою рѣшились за свою жизнь подвергнуться опасности и съ мужествомъ выступить противъ Римской силы“. Поэтому на другой день (24 іюля) они вышли изъ города и построились въ боевой порядокъ. Началась битва. „Скиноѣ, говоритъ Левъ Діаконъ, сильно напали на Римлянъ, кололи ихъ копьями, поражали коней стрѣлами и всадниковъ сбивали на землю. Тогда Анемасъ, убившій Иемора, завидѣлъ Святослава, поскакалъ на него, ударилъ со всего размаху, но не могъ пробить кольчужной брони и щита, и самъ заплатилъ жизнью за свой подвигъ: окруженный Руссами, онъ палъ въ неравной битвѣ. И такъ Руссы, ободренные его паденіемъ, съ громкимъ и дикимъ крикомъ бросились на Римлянъ, которые, уstraшенные необыкновеннымъ ихъ

стремленіемъ, начали отступать. Императоръ, боясь, чтобы его **воинство** совершенно не обратилось въ бѣгство, остановилъ отступавшихъ и **самъ съ копьемъ въ рукѣ, повелъ ихъ противъ Руссовъ**“. Но тутъ **помогло Грекамъ** одно неожиданное обстоятельство: **пыль отъ поднявшейся бури** остановила наступленіе Руссовъ и разстроила ихъ ряды; мало того, совершилось еще и чудо: явился передъ Греками **нѣкій воинъ на бѣломъ конѣ** и ободрялъ ихъ идти на враговъ, чудеснымъ образомъ **разсѣвая и разстраивая ихъ ряды**. Никто не видалъ его въ станѣ ни прежде, ни послѣ сраженія. Государь, желая наградить его, искалъ, но не могъ найти. Вслѣдствіе этого распространилось мнѣніе, что это былъ мученикъ **Феодоръ**, къ которому императоръ постоянно обращался съ молитвою. Въ связи съ этимъ въ самой Византіи одна дѣвица, посвятившая себя Богу, видѣла во снѣ **Богородицу, говорившую пламеннымъ воплемъ, ее сопровождавшимъ: призовите ко мнѣ мученика Феодора—и они тотчасъ привели храбраго вооруженнаго юношу**. Тогда она сказала ему: **Феодоръ! Твой Иоаннъ, воюющій со Скивами, въ крайнихъ обстоятельствахъ; поспѣши къ нему на помощь; если опоздаешь, то онъ подвергнется опасности**. На это онъ отвѣчалъ: **готовъ повиноваться матери Господа моего—и тотчасъ ушелъ**. Такимъ образомъ сонъ этой дѣвы исполнился и **вслѣдствіе заступничества свыше счастье перешло на сторону Грековъ**. Руссы, окруженные магистромъ Склиромъ, не будучи въ состояніи выдержать нападенія конницы, обратились въ бѣгство и, преслѣдуемые до самой стѣны, съ **безславіемъ упали мертвыми на мѣстѣ**. Самъ Святославъ, **израпленный и истекшій кровью, не остался бы живъ, если бы не спасла его наступившая ночь**. У Руссовъ было убито 15,000; у Грековъ же—только 350 человекъ, но за то множество ранено. Святославъ **досадовалъ на неудачу; но, чувствуя, что ничего не можетъ сдѣлать непобѣдимому греческому войску, считалъ обязанностью благоразумнаго полководца всѣми силами стараться сохранить оставшихся воиновъ; поэтому на слѣдующій день послалъ къ императору просить мира на слѣдующихъ условіяхъ**. „Руссы должны отдать Римлянамъ Дористоль, отослать плѣнныхъ, выйти изъ **Мизія** и возвратиться въ свое отечество, а Римляне должны позволить имъ **безопасно отплыть на судахъ своихъ, не нападая на нихъ съ стезеосными кораблями, и считать посланныхъ для торговли въ Византію попрежнему друзьями**“. Императоръ охотно (*ἄμενος*) **принялъ предложеніе, утвердилъ условія и далъ каждому по 2 мѣры хлѣба**

(медѣна). Святославъ выполнилъ обязательства, но на обратномъ пути погибъ отъ Падинаковъ (Печенѣговъ). Такъ рассказываетъ Левъ Діаконъ объ осадѣ Дористола и о заключеніи мира. Суть его рассказа состоитъ въ томъ, что постояннаго и рѣшительнаго успѣха вообще не имѣла ни одна сторона: то Греки оставались побѣдителями, то Руссы, и только вслѣдствіе голода ¹⁾ и уменьшенія числа дружины Святославъ согласился на миръ. Всѣ эпизоды, рассказываемые имъ, правдоподобны, за исключеніемъ одного послѣдняго, гдѣ рассказывается о стычкѣ Руссовъ съ Греками, сначала весьма удачной для нихъ (Руссовъ), а затѣмъ вслѣдствіе помощи мученика окончившейся полнымъ ихъ пораженіемъ. Для насъ такой исходъ представляется крайне сомнительнымъ и именно потому, что понадобилось чудо.

Полной и рѣшительной побѣды Грековъ нельзя еще допустить и потому, что въ рассказѣ встрѣчаются нѣкоторыя несообразности; такъ, по рассказу Льва Діакона, у Руссовъ пало 15,000, а у Грековъ только 350; между тѣмъ какъ въ началѣ и срединѣ битвы имѣли перевѣсъ Руссы, такъ что Греки вездѣ передъ ними отступали. Мало того: готовность, съ которою императоръ согласился на миръ, находилась бы въ противорѣчій съ рѣшительною побѣдою Грековъ, вслѣдъ за которою непосредственно былъ заключенъ миръ. Такимъ образомъ приходится прийти къ заключенію, что этотъ послѣдній эпизодъ носитъ нѣсколько не такой характеръ, какой ему приписываетъ Левъ Діаконъ: начало битвы было въ высшей степени удачно для Руссовъ, а конецъ остался нерѣшительнымъ. Но этотъ эпизодъ для насъ интересенъ еще и съ другой стороны. Повтореніе его съ небольшими измѣненіями мы видимъ въ извѣстномъ отрывкѣ, который сохранился въ русскихъ лѣто-

¹⁾ Относительно этого мы находимъ у Кедрена и Зонары (Стриттеръ стр. 997—1003) такой рассказъ. „Такъ какъ съѣстные припасы истощились, а осаждающіе ничего не пропускали въ городъ, то Святославъ, улуча случай, въ одну претемную ночь, когда шло дождь съ ужаснымъ градомъ и страшною молніею и громомъ, сѣлъ съ 2000 человекъ въ свои суда и поплылъ искать запасовъ. Доставъ все, что могли: рожь, пшено и др. запасы, поплыли они рѣкою назадъ къ Дористолу.... Но съ этого времени оба берега рѣки охранялись строжайшимъ образомъ, ибо императоръ, держа городъ въ осадѣ цѣлые 65 дней, думалъ принудить его къ сдачѣ голодомъ. Поэтому всѣ дороги укрѣпилъ рвами и караулами, чтобы никто не могъ достать съѣстныхъ припасовъ“.

писяхъ, и въ которомъ Бѣловъ и Гильфердингъ видятъ рассказъ объ Адрианопольской битвѣ; но нами уже было доказано, что тамъ такого рассказа видѣть нельзя. Значить его нужно отнести ко времени болѣе позднему.

Приурочить его ко времени осады Цимисхіемъ Преславы нельзя, такъ какъ въ это время дружиною Руссовъ начальствовалъ не самъ Святославъ, а Сфенкель; между тѣмъ какъ въ Адрианопольской битвѣ начальствуетъ, какъ извѣстно, самъ Святославъ. Остается, значить, видѣть тутъ одинъ изъ эпизодовъ продолжительной осады Дористола. Бѣловъ противъ такого предположенія дѣлаетъ слѣдующія возраженія. „Въ рѣчи, говоритъ онъ, которую влагаетъ лѣтописецъ въ уста Святослава, явно идетъ дѣло о битвѣ въ открытомъ полѣ, о битвѣ, въ которой Руссы были окружены врагами. Передъ Дористоломъ онъ не могъ сказать: „нѣамо ся дѣти“, ибо, въ случаѣ неудачи всегда могъ укрыться въ стѣнахъ Дористола—не могъ сказать передъ Дористоломъ: „и не имамъ убѣгнути“. Послѣднія слова ясно относятся къ мѣсту отдаленному, къ такому мѣсту, близъ котораго не было пристанища. И въ самомъ дѣлѣ, изъ подъ Адрианополя куда могла убѣжать Русь? Здѣсь бѣгство могло погубить ихъ окончательно“. Намъ, наоборотъ, кажется, что вся рѣчь Святослава по редакціи русской лѣтописи вполне сообразна съ обстоятельствами Дористольской осады. Напримѣръ слова: „аще ли побѣгнемъ, то срамъ намъ, и не имамъ убѣгнути“ находятся въ тѣснѣйшей связи съ предшествовавшимъ совѣтомъ нѣкоторыхъ Руссовъ убѣжать изъ Дористола въ глухую ночь: если бы мы даже могли убѣжать, какъ будто отвѣчаетъ имъ на это Святославъ, мы должны были бы этого сдѣлать, ибо это стыдно для такихъ воиновъ, какъ мы; но даже мы и убѣжать не можемъ: греческія огненосныя суда стерегутъ насъ на Дунаѣ, а съ суши желѣзнымъ кольцомъ окружаютъ пѣшія и конныя войска. „И убояшася зѣло множества вои“, читаемъ мы также тамъ. Это также согласно съ обстоятельствами дѣла; Греки только и принудили къ миру Руссовъ своею многочисленностью: „свѣжѣи войска, читаемъ мы у Кедрина, какъ пѣхотныя, такъ и всадники подкрѣпляли римское ополченіе и замѣняли убитыхъ“. Бѣлова смущаютъ слова „намъ нѣамамося дѣти“—представляется ему при этомъ ровное поле, а не городъ. Но эти слова можно понимать совершенно иначе и опять таки согласно съ обстоятельствами дѣла. Этими словами Святославъ хотѣлъ сказать: Цимисхій желаетъ насъ выжить изъ Дористола,

этого послѣдняго нашего пункта въ Болгаріи; поэтому намъ волею и неволею нужно „стать противу“, такъ какъ послѣ этого т. е. изгнанія изъ Дористола намъ будетъ уже „нѣкамо ся дѣти“; поэтому станемъ крѣпко, а я пойду во главѣ васъ. Но мы еще болѣе, можно сказать окончательно, убѣдимся, если сравнимъ подробности разсказа русской лѣтописи и Льва Діакона. И тутъ, и тамъ Святославъ ободряетъ воиновъ. „Не посрамимъ земли Рускіе, читаемъ мы въ русской лѣтописи, но ляжемъ костью ту, и мертвый соромъ не имаетъ; аще ли побѣгнемъ, то срамъ намъ, и не имамъ (ы) убѣгнути; но станемъ крѣпко азъ же предъ вами пойду“. У Льва Діакона Святославъ ободряетъ тоже почти такъ. „И такъ съ храбростью предковъ нашихъ и съ тою мыслию, что Русская сила была до сего времени непобѣдима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая бѣгствомъ спастись въ отечество, но или жить побѣдителями, или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою“¹⁾.

И тамъ, и здѣсь Святославъ является безавѣтно храбрымъ княземъ, для котораго война или, вѣрнѣе сказать, побѣда—все; земскихъ интересовъ у него нѣтъ. Самый ходъ битвы въ русскихъ лѣтописяхъ разсказывается такъ. „И исполнилася Русь, и Грѣци противу, и сразистася полка, и оступиша Грѣци Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и Грѣци побѣгоша“. Совершенно тоже читаемъ мы и у Льва Діакона. „Услышавъ слова своего предводителя, Руссы рѣшились охотно за жизнь свою подвергнуться опасности и съ мужествомъ выступить противъ римской силы. И такъ на другой день они вышли изъ города, построились въ твердую фалангу и, простерши копыя свои, рѣшились идти на подвигъ. Государь также поставилъ войско въ строй и вывелъ изъ стана. Отерылось сраженіе; Скиены сильно напали на Римлянъ: кололи ихъ копыями, поражали коней стрѣлами и сбивали всадниковъ на землю. Когда же у Грековъ былъ убитъ богатырь Апенасъ, то они, утрашенные необыкновеннымъ стремленіемъ Руссовъ, стали отступать. До сихъ поръ Левъ Діаконъ разсказываетъ совершенно согласно съ русскою лѣтописью. Разницу, впрочемъ болѣе кажу-

¹⁾ Но еще болѣе сходства имѣетъ рѣчь Святослава, приводимая русскими лѣтописями, съ его рѣчью у Кедрина: въ первыхъ мы читаемъ: „аще ли побѣгнемъ, то срамъ намъ“; а у второго: „тѣ которыя, спасутъ свою жизнь постыднымъ бѣгствомъ, могутъ ли спокойно ею наслаждаться, будущи презираемы сосѣдственными народами; въ первыхъ; „но ляжемъ

щуюся, чѣмъ дѣйствительную, мы видимъ дальше. Русскія лѣтописи говорятъ намъ, что побѣда осталась на сторонѣ Руссовъ, а Левъ Діаконъ,—что она только сначала была на ихъ сторонѣ, а потомъ перешла на сторону Грековъ. Собственно говоря и тутъ противорѣчія можетъ не быть, если признать, что въ русской лѣтописи повѣствованіе не кончено. Но еще вѣроятнѣе предположить, что рѣшительнаго успѣха не имѣла ни одна сторона; такое предположеніе, какъ мы видѣли, имѣетъ нѣкоторыя основанія ¹⁾). Теперь скажемъ нѣсколько словъ о са-

костью ту и мертвый сорома не имаетъ;“ а у второго: „Святославъ предпочелъ славу и блаженную смерть постыдной и презрѣнной жизни; въ первыхъ: „но станемъ крѣпко“; а у второго: «вступили въ сраженіе съ Римлянами, дабы отчаяннымъ нападеніемъ опрокинуть ихъ».

1) Интересно прослѣдить, какимъ образомъ наши историки относятся къ извѣстіямъ русской лѣтописи и Византійскихъ писателей (Льва Діакона Кедрина, Зонары) о Болгарской войнѣ.

Шлецеръ весь рассказъ русскихъ лѣтописей о Русско-Греческой войнѣ называетъ нестерпимо глупымъ, смѣшнымъ хвастовствомъ; говоритъ, что онъ противорѣчитъ самому себѣ. Напротивъ того Византійскимъ писателямъ онъ вѣритъ во всемъ (Шлецера—Несторъ, томъ III, стр. 608—609). Карамзинъ считаетъ сказанія Византійцевъ болѣе достовѣрными, чѣмъ русскія лѣтописи, приурочивая при этомъ, подобно Бѣлову и Гильфердингу, извѣстный отрывокъ русской лѣтописи къ Адрианопольской битвѣ (Карамзина „Ист. Гос. Рос“. т. I):

Погодинъ, хотя и считаетъ себя послѣдователемъ математическаго метода въ исторіи, очень произвольно рассказываетъ объ Адрианопольской битвѣ по русской лѣтописи, игнорируя совершенно Византійцевъ, а объ осадѣ Преславы и Дористола по Льву Діакону, Кедрину и т. д.; при этомъ у него нѣтъ не только критики, но даже ссылокъ на источники (Древняя Русская Исторія, томъ I). Соловьевъ рассказъ свой о Болгарской войнѣ цѣлкомъ основываетъ на сказаніи русской лѣтописи, недостатокъ которой, по его мнѣнію, состоитъ только въ томъ, что она бросаетъ невѣрный свѣтъ на событія; подробнаго же сличенія извѣстій обоихъ источниковъ у него нѣтъ (Исторія Россіи).

Плюваѣвскій, рассказавшій вообще очень живо Болгарскую войну, думаетъ, что русская лѣтопись для этой войны представляетъ лишь немногія ~~данные~~, заимствованныя изъ греческихъ источниковъ, но искаженные баснями и собственными домыслами (Исторія Россіи, Кіевскій періодъ).

Чертковъ, Гильфердингъ и Бѣловъ стараются сличить рассказъ русскихъ лѣтописи и Византійскихъ писателей и путемъ критики возстановить это событіе, какъ оно было на самомъ дѣлѣ.

момъ договорѣ. Русскія лѣтописи относятъ его къ іюлю 971 года; а Левъ Діаконъ послѣднюю битву передъ заключеніемъ мира относитъ къ тому же іюлю мѣсяцу; значитъ и хронологія приблизительно совпадаетъ: разница выйдетъ очень незначительная, а можетъ быть, и совсѣмъ ея не выйдетъ. Что же касается до содержанія договора, то и въ русскихъ лѣтописяхъ, и у Льва Діакона оно почти одно и то же, при чемъ договоръ въ русской редакціи кажется еще суровѣе, чѣмъ въ греческой, что, конечно, говоритъ въ пользу Византійскихъ писателей. Наконецъ, въ самомъ концѣ Левъ Діаконъ рассказываетъ намъ о свиданіи Святослава съ Цимисхиємъ, при чемъ описываетъ наружность русскаго князя. Видомъ онъ былъ такой: „средняго росту, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и съ густыми, длинными висящими на верхвей губѣ волосами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода; шея толстая, плечи широкія и весь станъ довольно стройный. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ, посреди ихъ вставленнымъ. Одежда на немъ была бѣлая, ни чѣмъ кромѣ чистоты отъ другихъ не отличная“¹⁾.

Повторимъ теперь вкратцѣ главнѣйшіе выводы, къ которымъ мы пришли.

1) Въ русскихъ лѣтописяхъ Болгарская война изображена неполно: выхвачены изъ нея только нѣкоторые эпизоды, которые лѣтописецъ старается связать, но не совсѣмъ удачно, такъ какъ пропускъ нѣкоторыхъ посредствующихъ событій очевиденъ.

2) Левъ Діаконъ, наоборотъ, восстанавливаетъ намъ событія, пропущенныя въ русскихъ лѣтописяхъ, и даетъ возможность поставить эти отрывочные факты на надлежащее мѣсто.

3) Разсказъ русской лѣтописи о битвѣ Руссовъ съ Греками нужно приурочить не къ Адрианопольской битвѣ, какъ думаютъ Гильфердингъ и Бѣловъ, а къ Дористольской.

Д Вагалѣй.

¹⁾ Изображеніе Святослава, основанное на этихъ извѣстіяхъ, можно видѣть въ атласѣ Погодина и Стрекаловой.